

Е.Ю. Геймбух, А.Г. Федорова

Московский городской педагогический университет (Россия)

СВОЕОБРАЗИЕ ПЕРСониФИКАЦИИ В «СКАЗКАХ ДЛЯ ВУНДЕРКИНДОВ» С.Д. КРЖИЖАНОВСКОГО

Статья посвящена проблеме персонификации как одной из основ идиостиля С.Д. Кржижановского. Персонификация рассматривается авторами как полное уподобление какого-либо фрагмента действительности человеку; при полном уподоблении персонифицированное явление обретает все человеческие черты, иногда даже человеческий облик. На первый план в статье выступает специфическая для идиостиля С.Д. Кржижановского в целом, и «Сказок для вундеркиндов» в частности, грамматическая персонификация. К грамматической персонификации авторы относят сопутствующие семантической персонификации (антропоморфизации) разного рода отступления от системы языка на словообразовательном, морфологическом и синтаксическом уровнях: изменение частеречной принадлежности слова, системы его грамматических форм, парадигматических и синтагматических свойств и т. п. На примерах из сказок «Чуть-чуть», «Страна нетов», «Поэтому», «Чётки» и др. показан характер грамматической персонификации: субстантивация неизменных частей речи, приобретение субстантиватами грамматических категорий *рода* и *числа*, что отражает включенность персонифицированных явлений в противопоставление по полу и множественности / единичности; включение в системы склонения и словоизменения, употребление с суффиксами, указывающими на невзрослость; образование качественных и относительных прилагательных; способность сочетаться с согласованными определениями и приложениями; корреляция с глаголами-сказуемыми; выступление в функции подлежащего и дополнения, что свойственно в первую очередь именным частям речи. В статье указывается также на двойственность художественного мира С.Д. Кржижановского, которая не в последнюю очередь определяется тем, что фрагмент действительности, подвергающийся персонификации, продолжает существовать и в своем естественном, персонифицированном виде.

Ключевые слова: С.Д. Кржижановский; семантическая и грамматическая персонификация; языковые и окказиональные способы персонификации.

E. Geymbukh, A. Fedorova

Originality of Personification in «Tales for Wunderkinds» by S.D. Krzhizhanovsky

The article is concerned with personification problem as one of the basis of S.D. Krzhizhanovsky individual style. Personification is considered by the authors as a full conformation of any fragment of reality to man. Embodied phenomenon assumes human traits with full conformation, sometimes even a human face. The authors of the article bring to the fore grammatical personification, which is specific for S.D. Krzhizhanovsky individual style in general, and for “Tales for Wunderkinds” in particular. The authors refer deviations of various kind from the language system to grammatical personification accompanying semantic personifications (anthropomorphize) on word-formative, morphological and syntactic levels such as word pertain change to part of speech, system of its grammatical forms, paradigmatic and syntagmatic properties etc. Examples from fairy tales “Chut-chuti” (Little littles), “Strana netov” (Country of words “no”), “Poetomu” (That’s why), “Chjotki” (Bead-rolls) and others show the character of grammatical personification such as substantivisation, grammatical categories of gender and number acquisition by substantivats. These grammatical categories reflect the embodied phenomena involvement in opposition to gender and plurality / singularity; involvement in the systems of declension and inflection, performance of suffixes, indicating non-adulthood; formation of qualitative and relative adjectives; ability to combine with concordant definitions and appositions; correlation with verbal predicate; performance in function of the subject and complement what is primarily peculiar to registered parts of speech (Noun, Adjective, etc.). The article also shows the duality of the S.D. Krzhizhanovsky art world, which is not last thing determined by existence continuation of personify fragment of reality in its natural, non-embodied form.

Keywords: S.D. Krzhizhanovsky, semantic and grammatical personification; language and occasional personification ways.

Проза С.Д. Кржижановского все еще остается недостаточно изученной, хотя корпус новелл и повестей писателя уже входит в сферу филологического анализа. Предметом нашего исследования стали особенности идиостиля писателя, в частности, механизмы «оживления» героев произведений, характер и значение персонифи-

кации в творчестве С.Д. Кржижановского. Именно в «оживлении» предметов неживого мира кроется ключ к смыслу произведений писателя, к его философии, необычному мировидению, которое ярко раскрывается уже в одном из первых сборников новелл — «Сказках для вундеркиндов».

Основы современного подхода к интерпретации явления персонификации были заложены еще в первой половине XX века, когда определение термина «персонификация» давалось в со- и противопоставлении с термином «олицетворение». Л.И. Тимофеев рассматривает персонификацию как второе название олицетворения и относит исключительно к тропеической системе языка: «Олицетворение, по существу, является последовательным перенесением на понятие или явление признаков одушевленности и представляет собой, таким образом, вид метафоры» [7: с. 283]. Иной подход к толкованию олицетворения и персонификации представляет позиция А. Петровского. Ученый разделяет два вида олицетворений: первый — явление стилистики, «изображение неодушевленного или абстрактного предмета как одушевленного» (басни, притчи, аллегории) [3: с. 532]; второй связан не с приемами изображения, а с определенным, анимистическим мирозерцанием и мироощущением: автор сам верит в одушевленность предмета, предмет уже воспринимается как одушевленный и таким и изображается [3: с. 525].

Мы также отделяем понятие «персонификация» от понятия «олицетворение», хотя до сих пор эти термины иногда используются как синонимы. Олицетворением мы будем считать поэтический троп, а религиозно-мифологическое восприятие различных фрагментов мира как антропоморфных (что свойственно и С.Д. Кржижановскому) отнесем к персонификации.

Персонификация рассматривается нами как «полное уподобление неодушевленного предмета человеку, при котором предмет наделяется не частными признаками человека, а обретает все человеческие черты, часто — человеческий облик. Традиционно персонификация используется в устном народном творчестве, в баснях» [6]. Только такой подход будет плодотворным при изу-

чении языка «Сказок для вундеркиндов», так как у С. Кржижановского персонифицированные предметы, явления, слова и др. характеризуют не отдельные фрагменты повествования, а структуру целого, организуют сюжет, определяют поэтику (например, «Якоби и “якобы”», «Чуть-чутьи», «Жизнеописание одной мысли», «Сбежавшие пальцы» и мн. др.).

С.Д. Кржижановский, опираясь на стандартные, существующие в языке способы персонификации (например, языковые метафоры и метонимии типа «время идет», «ум зашел за разум»), часто создает окказиональные, авторские способы персонификации, которые требуют изучения и классификации. Наиболее интересными, на наш взгляд, являются грамматические способы персонификации, когда происходит не только приписывание неживым явлениям характеристик человека, но меняется грамматическая структура слова.

Именно такого рода явления происходят в сборнике новелл «Сказки для вундеркиндов». Слова, не имеющие в русском языке категорий рода, числа и падежа, обретают их в контексте сказок в процессе персонификации, становятся семантически и морфологически одушевленными.

Рассмотрим преобразования в грамматической структуре наречий в рассказе «Чуть-чутьи», в самом названии которого обращает на себя внимание невозможное для системы русского языка употребление наречия во множественном числе. Наречие — «часть речи, включающая слова, а) обозначающие признак действия (состояния), признак признака (качественного или обстоятельственного), реже — признак предмета (семантический признак); б) неизменяемые (но образующие формы степеней сравнения в разряде качественных наречий), соотносительные в словообразовательном отношении с именами и глаголом (морфологический признак); в) выступающие преимущественно в функции обстоятельств (синтаксический признак)» [4].

В сказке «Чуть-чутьи» наречия *чуть-чуть* и *эле-эле* используются для обозначения народов, то есть меняется их семантика (категориальное значение), они включаются в процесс персонификации и становятся субстантивами, приобретая внутренние и

внешние признаки существительного: «а) значение предметности (семантический признак); б) выражение этого значения при помощи категорий рода, числа и падежа, а также одушевленности и неодушевленности (морфологические признаки); в) употребление в предложении в функции морфологизованного подлежащего и дополнения (синтаксический признак)» [4].

При употреблении в тексте сказки *чуть-чуть* и *еле-еле* обретают различные грамматические признаки существительного: 1) **категорию рода**: *лежал чуть-чуть*; *сан первого Чутя*; ...на каждую по дежурному *чуть-чутю*... (род выражается морфологически, в системе окончаний, по аналогии с существительными второго склонения: *слесарь – слесаря, слесарю, мыслитель – мыслителя, мыслителю* — и синтаксически: на мужской род указывает согласованное определение); 2) **категорию числа**: ...*опять зазевавшийся чуть-чуть, сорвавшись с ресницы, мелькнул у зрачка* (ед. ч.); ...*но в ухе уже расхлопотались чуть-чутти*... (мн. ч.); род выражен морфологически, в противопоставлении системы окончаний единственного и множественного числа, по аналогии с существительными второго склонения: *слесарь – слесари, мыслитель – мыслители*; С.Д. Кржижановский использует существующую в языке модель выражения противопоставления по родам и числам; 3) **способность изменяться по падежам**: *Я, король ЧУТЬ-ЧУТЕЙ, покоритель страны ЕЛЕ-ЕЛЕЙ; Шорохи сбежавшихся чуть-чутей; Два наряда знатных еле-елей в правое и левое ухо*; 4) **лексико-семантический признак «одушевленность / неодушевленность»**: *увидел еле-елей*.

Грамматические преобразования в сказках охватывают не только морфологическую, но и словообразовательную систему. В русском языке наречия *чуть-чуть* и *еле-еле* не образуют производных слов. Однако, превратившись в субстантиваты, данные слова становятся производящими: появляются относительное местоимение (*чуть-чутево царство*), абстрактное существительное (*идеалы Чуть-Чутества*), этикетная формула (*Ваше Чуть-Чутество* — по аналогии с *Ваше Величество*).

Изменение категориальной семантики и морфологических признаков не могло не сказаться на функционировании субстантиватов

в структуре предложения. *Чуть-чутьи* и *еле-еле*, указывая на человеческие общности, сочетаются и с глаголами, и с прилагательными, однако эти части речи согласуются / коррелируют с субстантиватами в роде, числе, падеже, а не примыкают, как было, когда наречия указывали на признаки действия: (1) ...**один** из дежурных *чуть-чутьей сорвался с моей ресницы*; (2) ...сейчас *чуть-чутьи, дежурившие* у зрачков, **делали** свое дело; (3) **Тысячи** *чуть-чутьей, вероятно загнанных морозным воздухом в поры моей кожи, дергали* за жилки и капилляры; (4) ...бежал от **незримых чуть-чутьей**.

Из этих примеров видно, что изучаемые нами слова в предложении выполняют функцию подлежащего (1, 2, 3 примеры) или дополнения (4 пример), что также свойственно не наречиям, а существительным.

При изучении сказки «Чуть-чутьи» нельзя не обратить внимания на то, С.Д. Кржижановский неоднократно употребляет в сказке слова *чуть-чуть* и *еле-еле* не только в качестве субстантиватов, но и в их первоначальной сущности — в качестве наречий: ...*слова, вертикально запрокинутые на корешках книг, — чуть-чуть, на еле-мысль сдвинулись вдоль по своим смыслам, ширя щели и другие невнятные миры; И король, чуть царापнув короной о мочку моего уха, последовал по черной линии росчерка; ...стало теперь мириадами чуть приметных, но примечательных льдистых кристаллинок; ...мириады еле различных мыслей терлись изнутри; От волнения ноги у меня чуть дрожали; ...всё, под налётами новых смыслов, чуть сдвинуто, еле отклонено и странно ново; ...еле зримая рука его учтиво салютовала в сторону моего глаза.*

В этих примерах *чуть*, *чуть-чуть* и *еле*, *еле-еле*, как и положено наречиям, при примыкании к глаголу обозначают признак действия, а при примыкании к прилагательному — признак признака и при этом играют роль обстоятельств.

Таким образом, мы сталкиваемся с двоemiрием автора, которое заключается в следующем: с одной стороны, предметы, явления, слова и даже части предметов, явлений и слов приобретают антропоморфные признаки, с другой — персонифицированные сущности не теряют связи со своей изначальной природой и

в тексте сказок могут одновременно выступать в двух видах. Благодаря этому создается противопоставление обычной, обыденной жизни, которая тяготит человека и в которой все кажется ложным и фальшивым, и истинного бытия, от которого человека отделяет малая толика воображения: *чуть-чуть, еле-еле* измененный мир оказывается глубоким и полным смысла.

На примере сказки «Чуть-чуть» мы продемонстрировали изменение содержательной и формальной структуры наречий, выступающих в тексте в функции субстантивов. Дополним представления о возможностях грамматической персонификации такими примерами из других сказок, которые не нашли отражения в «Чуть-чутьях».

Так, в сказке «Страна нетов» общее направление изменения то же, что и в «Чуть-чутьях»: слова *неты* и *ести* обозначают разные народы и поэтому приобретают категории рода, числа, одушевленности, склоняются по падежам, как и *чуть-чуть* и *еле-еле*. Но в «Стране нетов» появляется противопоставление мужского и женского родов, указывающих на существа мужского и женского пола (в «Чуть-чутьях» есть только «представители» мужского пола): *нет влечется к нете, неты нету*, причем субстантиват мужского рода изменяется по твердой, а женского рода — по мягкой разновидности.

В «Стране нетов» цель наблюдателя-*естя* — дать представление о жизни *нетов*, поэтому больше внимания посвящено «семейным» отношениям и образуются слова, обозначающие не только существа женского пола, но и незрелые существа: *нетик, нетики, нетята, нетеньши*. Суффиксы *-ят-* и *-еньши* — специализированные суффиксы со значением незрелости (ср.: *внучата, детеньши*) [5: с. 203–204]. Суффикс *-ик* имеет в русском языке разные значения, в том числе и значение уменьшительно-ласкательное, которое в контексте сказки воспринимается как указание на незрелых *нетов*: *неты учат своих малых нетиков, нет рассказывал нетикам*.

Более разветвленным в «Стране нетов» является словообразование и в области прилагательных: появляется больше словосочетаний с относительными прилагательными (*нетовые цветы*,

нетовые мысли, нетовая страна), а также качественное прилагательное (*нетствующая философия*).

В «Стране нетов» расширяются функции субстантиватов: помимо согласованных определений, выраженных прилагательными и причастиями (*достопочтенные ести, каких-то нетов*), есть согласованное приложение: *искусник нет*.

В рассказе «Чётки» в сфере грамматической персонификации включается система глагольных форм. Рассмотрим предложение ...*в щепоти, нанизавшись на длинную серебристого отлива нить, мерцали белые крупные бусины чёток*. В этом предложении обращает на себя внимание обстоятельство, выраженное деепричастным оборотом. На месте этого обстоятельства должно было бы стоять согласованное определение, выраженное страдательным причастием с зависимыми словами: «нанизанные на <...> нить». Однако С.Д. Кржижановский использует деепричастие от возвратного глагола, который указывает на активного производителя действия, и благодаря этому происходит персонификация бусин, которые вроде бы сами нанизались на нить.

В рассказе «Поэтому» способом персонификации является замена безличного предложения личной формой глагола: ...*лужа только рябью чуть повела* вместо возможного «лужу только рябью чуть повело».

В качестве синтаксического способа персонификации можно воспринимать и использование однородных подлежащих в предложении ...*шли Весна и поэт*. Благодаря тому, что в этом предложении происходит наложение прямого (*шел поэт*) и переносного (*шла Весна*) значения глагола «шли», то есть сказуемое используется как полисемант, реализующий одновременно два своих значения, происходит оживление глагольной метафоры из выражений «весна идет, весна пришла, весна уходит» и актуализируется стертое значение олицетворения (усиленное в данном контексте использованием прописной буквы и постановкой рядом с другим подлежащим, указывающим на лицо).

Обратим внимание на то, что в систему персонификации С.Д. Кржижановский включает не только слова мужского и жен-

ского рода, которые получают соответственно значение мужского и женского пола, но и слова среднего рода. Обычно при персонификации существительные среднего рода обретают семы мужского или женского пола, «прослеживается тенденция к преодолению среднего рода родом-полом: род и пол в русском языке тесно связаны (в отличие от немецкого: ср., например, *das Weib*), и потому субстантив, имеющий сему пола, не может принадлежать к среднему роду. Эта тенденция прослеживается в разных формах: а) Горе одета во все белое; (Горе говорит) Я нездешняя (В. Хлебников); б) «Я крикнул солнцу: Дармод! Занежен в облака ты!» (В.В.Маяковский); в) (Книжка обращается к Пресс-Папье) — Грязнула, — сказала она, — посмотри, ты весь в чернилах! (Ф. Кривин)» [2: с. 81].

У С.Д. Кржижановского происходит иначе: некоторые слова при персонификации остаются в системе среднего рода. Рассмотрим несколько примеров и попытаемся определить причины и функции такого отступления от законов персонификации.

В сказке «Поэтому», несмотря на персонификацию, сказуемое уподобляется подлежащему и согласуется с определениями в среднем роде, для указания на «поэтому» также используется местоимение третьего лица среднего рода: «*Поэтому* **отвергало** поэта; ...«*поэтому*» не **хотело** возвращаться; «*поэтому*» <...> **обвисло**, покорно легло; ...**ползало** обеспокоенное знакомое поэту **остробуквое** «*поэтому*»; ...**извивающееся** и **бьющееся** всеми семью буквами «*поэтому*»; Открыл: **опять о н о** [«*поэтому*»]; ...**оно** мало изменилось.

Причины употребления среднего рода, на наш взгляд, не только и не столько грамматические, сколько мировоззренческие. По форме *поэтому*, не соотносимое с одушевленным предметом, как большинство несклоняемых существительных в русском языке, тяготеет к среднему роду. У таких слов возможно согласование по родовому понятию [5: с. 469], например, «вкусный киви» — по родовому понятию «плод» и «красивая киви» — по родовому понятию «птица». В связи с этим «*поэтому*» и по форме, и по родовому понятию («слово») отнесено к среднему роду. Но нам кажется, что здесь есть еще одна причина — *поэтому* в рассказе об-

ладает деструктивными свойствами: поэт, подменив живое восприятие мира мертвой логикой, перестает быть поэтом. И в связи с этим *поэтому* остается в неопределенности и безликости среднего рода, тогда как большинство персонифицированных понятий тяготеют к определенности рода и стоящего за ним пола.

Но если *поэтому*, наделяясь некоторыми свойствами человека, описываемыми через ментальные и акциональные глаголы и глагольные формы (например, *отвергало, не хотело, изви- вающееся и бьющееся*), сохраняет вид слова (*остробуквое, бью- щееся всеми семью буквами*), хотя и не наделено даром слова, то в сказке «Страна нетов» в рамках среднего рода остается гово- рящее *ничто*: ...*явилось* им *Ничто, безглазое и безвидное, и ска- зало* глухим, могильным голосом: «*Я Ничто, не являюсь в явях, но лишь в снах. Есть у меня берега, но я голодно*». Здесь также нарушается тенденция отнесения персонифицированного явле- ния к мужскому или женскому роду. *Ничто* — символ смерти; так как слово «смерть» относится к женскому роду, то при пер- сонификации получает женский образ (традиционно — старуха с косой). С.Д. Кржижановский указывает на то, что *Ничто без- видное*, то есть не имеющее образа и, следовательно, пола. Поэто- му *Ничто* остается в системе среднего рода, которое в русском языке не обозначает живые существа (исключения — несколько существительных типа «чадо», «дитя», «дитятко», которые вклю- чаются в систему среднего рода и подчеркивают невзрослость, а также «существо», «млекопитающее», для которых отнесение к роду не значимо). Получается, что *ничто*, как и *поэтому*, вы- ражает явно деструктивное начало и «не достойно» включения в противопоставление по роду и стоящему за ним полу. Можно сказать, что С.Д. Кржижановский, оставляя некоторые персонифицированные объекты в рамках грамматического среднего рода, реализует специфику мышления, присущего когда-то народной сказке: «Пространство сказочного мира разделено на две ча- сти: на “свой” мир и на мир “чужой”, причем каждому из миров соответствуют свои действующие лица. Колебания рода встре- чаются в именах таких персонажей, как Чудовище (или Чудище),

Чудо-юдо <...> Отличительной чертой этих персонажей является полная или частичная непредставимость, неоформленность облика <...> отвлеченное и неясно представляемое язык отмечает большей частью средним родом» [1: с. 10–11].

Итак, мы рассмотрели некоторые примеры грамматической персонификации в «Сказках для вундеркиндов» С.Д. Кржижановского. Предметом нашего внимания были явления разного статуса: от *чуть-чутей* и *нетов*, которые являются заглавными героями, до мельчайших деталей типа лужи, которая *рыбью повела*. И на всех уровнях текста мы обнаружили персонификацию, которая задает особый, только С.Д. Кржижановскому присущий взгляд на мир как на единство живых мыслящих сущностей и которая может не только полностью изменить денотат, но и грамматическую систему преобразуемого слова.

Литература

1. Гин Я.И. Из наблюдений над грамматической категорией рода в русской народной сказке // Гин Я.И. Проблемы поэтики грамматических категорий: Избранные работы. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1996. С. 9–26.
2. Гин Я.И. К вопросу о построении поэтики грамматических категорий // Гин Я.И. Проблемы поэтики грамматических категорий: Избранные работы. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1996. С. 75–87.
3. Петровский М. Олицетворение // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2 т. Т. 1: А–П. М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. Стб. 532–534.
4. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. М.: ИД «ОНИКС 21 век»; Мир и Образование, 2003. 623 с.
5. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. Репринтное издание. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2005. 784 с.
6. Словарь литературоведческих терминов / Автор-сост. С.П. Белокурова. URL: <http://www.grammar.ru/LIT/?id=3.0> (дата обращения: 21.04.2013 г.).
7. Тимофеев Л. Олицетворение // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 8. М.: ОГИЗ РСФСР; Сов. энциклопедия, 1934. Стб. 283–284.

References

1. *Gin Ya.I.* Iz nablyudenij nad grammaticheskoj kategoriej roda v ruskoj narodnoj skazke // Gin Ya.I. Problemy' poe'tiki grammaticheskix kategorij: Izbranny'e raboty'. SPb.: Gumanitarnoe agentstvo «Akademicheskij projekt», 1996. S. 9–26.
2. *Gin Ya.I.* K voprosu o postroenii poe'tiki grammaticheskix kategorij // Gin Ya.I. Problemy' poe'tiki grammaticheskix kategorij: Izbranny'e raboty'. SPb.: Gumanitarnoe agentstvo «Akademicheskij projekt», 1996. S. 75–87.
3. *Petrovskij M.* Olicetvorenije // Literaturnaya e'nciklopediya: Slovar' literaturny'x terminov: v 2-x t. T. 1: A–P. M.; L.: Izd-vo L.D. Frenkel', 1925. Stb. 532–534.
4. *Rozental' D.E', Telenkova M.A.* Spravochnik po russkomu yazy'ku. Slovar' lingvisticheskix terminov. M.: ID «ONIKS 21 vek»; «Mir i Obrazovanie», 2003. 623 s.
5. Russkaya grammatika: v 2 t. T. 1. Reprintnoe izdanie. M.: Institut russkogo yazy'ka im. V.V. Vinogradova RAN, 2005. 784 s.
6. Slovar' literaturovedcheskix terminov / Avtor-sost. S.P. Belokurova. URL: <http://www.grammar.ru/LIT/?id=3.0> (data obrashheniya: 21.04.2013 g.).
7. *Timofeev L.* Olicetvorenije // Literaturnaya e'nciklopediya: v 11 t. T. 8. M.: OGIZ RSFSR; Sov. e'nciklopediya, 1934. Stb. 283–284.